

ИСТОРИЯ

УДК 930(091)

*Л.П. Веремчук***ПРОБЛЕМА ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В ТРАКТОВКЕ АЛЕКСИСА ДЕ ТОКВИЛЯ**

Статья содержит анализ концепции социальной революции Алексиса Токвиля, его трактовки проблемы закономерности революционных процессов в обществе. Автор прослеживает отличие идей Токвиля от воззрений историков-традиционалистов. Исследует видение ученым основных предпосылок революционных трансформаций.

Ключевые слова: А. Токвиль; социальная революция.

Одной из основных проблем, которую поставил и попытался решить в своем научном творчестве крупнейший французский историк, социолог, политолог первой половины XIX в. Алексис де Токвиль, явилась проблема социальной революции. Хорошо известен тот факт, что основой его убеждений явилось неприятие революции как формы преобразования общественных отношений, абсолютизация позитивной значимости континуитета как типа социальной трансформации. К революции Токвиль относился негативно, не принимал ее, считал нецелесообразной, весьма нежелательной формой преобразовательного действия. «Едва ли нужно напоминать, – пишет об этом современный французский политолог К. Лефор, – что Токвиль не имеет никакой симпатии к революциям. Сама порода революционеров казалась ему отвратительной» [1. С. 215]. Как образно выразился российский исследователь И.О. Дементьев, Токвиль был «запрограммирован» на негативное отношение к революции [2. С. 14]. Негативное отношение к революции, неприятие ее как формы преобразования общественных отношений составили часть того идейного багажа, который Токвиль унаследовал от дворянских историков-традиционалистов Э. Берка, Ж. Местра, Ф. Шатобриана и привнес в историографию либеральную. Он признавал справедливость протеста, однако не в его революционной форме. Тот же К. Лефор заметил, что Токвиль разделял с людьми своего класса «отвращение в отношении всякой формы народной мобилизации» [1. С. 232]. Вместе с тем нужно отдать должное ученому в том, что при всем неприятии революционных методов преобразования общественных отношений он тщательно изучал проблему социальной революции, смог внести весьма значительный вклад в развитие теории революционного процесса? показать его в аспекте закономерности и каузальности.

Проблема закономерности социальной революции была осмыслена исследователем в контексте идеи закономерности исторического процесса как такового, поиска им естественных причинно-следственных связей между явлениями общественной жизни, обусловленных самой природой исторического развития. Отчасти это нашло выражение в его понимании существа божественной воли как «привычных природных процессов» и «постоянно действующей тенденции развития событий» [3. С. 29], т.е. как исторической законо-

мерности. Прямо выражая мысль о закономерном характере исторического развития и свое понимание его как явления естественно-исторического, ученый писал: «Общество, как и любая организованная группа людей, в своем становлении следует фиксированным правилам, отступать от которых оно не может. Правила эти включают в себя ряд элементов, которые являются неизблемыми во все времена и во всех точках земли» [3. С. 169]. Наблюдая многочисленные факты повторяемости исторических явлений в их сущностном содержании, ученый приходил к выводу, что эта повторяемость является собой ключевой признак социального закона [3. С. 343].

Не будет преувеличением сказать, что на признании закономерного характера общественного развития основывалась вся исследовательская практика ученого. Именно с таких позиций он подходил к осмыслению смены одного социально-политического строя другим. Так, Токвиль утверждал, что «возникновение и существование аристократии не было случайностью; она, как и все остальное, подчинялась действию неизблемых законов, которые можно познать» [4. С. 17]. В свою очередь и этот феодальный строй закономерно уступил место буржуазной общественной системе [3. С. 28–29]. Это свойство исторической реальности он хорошо понимал, считал возможным и необходимым его познать. С точки зрения исторической закономерности Токвиль осмысливал и содержание такого явления, как социальная революция. Нельзя согласиться с мнением, будто ученый преувеличивал роль случайности в объяснении исторических событий, в том числе и революций [5. С. 62]. Понимание им соотношения случайного и необходимого в историческом процессе основывалось на признании того, что случайность хотя и играет существенную роль в связи событий, однако в основе такой связи лежит историческая необходимость. «Случайность, – писал исследователь, анализируя причины революции 1848–1849 гг. во Франции, – или, вернее, то сплетение второстепенных причин, которое мы называем этим словом вследствие неумения распутать его, играет важную роль во всем, что делается на этом свете; но я твердо уверен в том, что случайность может произвести только то, что уже было заранее подготовлено. Ранее совершившиеся события, характер государственных учреждений, склад ума, степень нравственного развития – вот те материалы, из которых она создает неожиданные события, поражающие нас удив-

лением и наводящие на нас страх. Февральская революция, подобно всем другим великим событиям этого рода, возникла из общих причин, – если позволительно так выразиться, – оплодотворенных случайностями, и было бы одинаково ошибочно приписывать ее только первым или исключительно вторым» [6. С. 70].

Главным содержанием произведения «Старый порядок и революция», как признавал сам Токвиль, явился глубокий обстоятельный анализ исторической обусловленности Великой французской революции – ее закономерности, причинности, сущностного содержания. Ученый обратился к исследованию не частных, но основных сторон этого явления. Уже в творчестве 1830-х гг. он решительно отказался видеть в революции результат слепого действия демонических сил или кару, обрушенную Богом на французов за их грехи, как объясняли революцию убежденные сторонники Старого порядка Жозеф де Местр, Луи Бональд; вполне определенно выразил мысль о том, что Великая французская революция была явлением закономерным.

Эту закономерность Токвиль усмотрел в том, что неуклонное развитие равенства общественных состояний (одно из выражений поступательного движения цивилизации) последовательно и необратимо вело общество к крушению аристократических (феодалных) его форм и утверждению форм демократических (буржуазных). Он писал в книге об американской демократии: политические режимы, сформированные во времена аристократии, «представляли и защищали в большей или меньшей степени, принцип неравенства и привилегий. Чтобы сегодня в правительстве восторжествовали новые потребности, отвечающие интересам возрастающего равенства, нашим современникам пришлось либо свергнуть старые режимы, либо принудить их изменить намерения. Это привело людей к революциям, которые в свою очередь привели им вкус к кровавым беспорядкам и самостоятельности, порождаемым любой революцией, какую бы цель она ни преследовала» [3. С. 495]. Ученый был убежден в том, что уничтожение укорененных феодальных порядков требует длинного ряда сложных трансформаций, многочисленных переворотов, «во время которых имущественное положение и взгляды людей быстро изменяются, а власть часто переходит из одних рук в другие» [3. С. 459]. Он утверждал – обыкновенно аристократии падают после долгой борьбы, «во время которой между различными классами вспыхивает огонь непримиримой ненависти» [3. С. 375]. Почти в той же форме идея закономерности Великой французской революции изложена и в текстах работы «Старый порядок и революция». В ней ученый утверждал, что в историю средневековой Франции глубоко уходят истоки той «жесткой и неискоренимой ненависти к неравенству», которая с давних пор «внушала французам упорное и непреодолимое желание разрушить до основания все остатки средневековых учреждений и, очистив место, построить на нем новое общество» [7. С. 228]. Эта тенденция формировала ту «неудержимую силу», которая неуклонно вела Францию к уничтожению аристократии [7. С. 14].

Исследователь констатировал тот бесспорный факт, что в XVIII в. «силы средних веков истощились», средневековое общество парализовала «старческая немощь»; старые начала «скорее задерживают поступа-

тельное движение цивилизации, чем способствуют ему; в них сказывается какое-то отчуждение и как бы непроницаемость для нового духа времени» [7. С. 33–34]. Старая система отжила. Вместе с тем то новое, что зародилось в ней, стремилось к жизни, развитию, укреплению своих позиций. В недрах Старого порядка формировалось новое начало, содержащее деятельные, энергично растущие буржуазные формы: «все, что живет, действует, производит, все это по своему происхождению ново, и не только ново, но даже противоположно прежнему» [7. С. 34]. Это наблюдение побуждало его сделать вывод о том, что Старый порядок заключал в себе «целую группу учреждений новейшего происхождения», которые «легко могли занять место в новом обществе» [7. С. 229].

Это новое отторгало старое общественное начало и создавало в широких слоях социума такие интересы, потребности, ментальные установки, настроения, которые готовили его к решительной борьбе против этого старого. Для характеристики высокой степени остроты и распространенности в обществе неприятия старых средневековых форм, Токвиль использовал образное замечание одного из современников той эпохи: «Странно видеть, – передавал он мнение этого последнего, – как немилостиво судят теперь обо всем, что старо. Новые впечатления проникают даже в недра наших семей и возмущают в них порядок. Наши хозяйки – и те не хотят более терпеть старую мебель» [7. С. 34]. Подчеркивая необходимость существования достаточно развитого нового общественного уклада для того, чтобы революционное действие могло зародиться и усматривая в наличии этой основы необходимую общую предпосылку для возможности его осуществления, Токвиль сравнивал в историческом развитии Франции и Европы общественно-политическую ситуацию двух столетий – XVIII и XV столетий. Отмечал, что воззрения, близкие идеологии революционной эпохи, нашли отдаленное выражение еще в европейской общественной мысли XV в. в комплексе установок гуманистической политико-правовой доктрины [7. С. 29–30]. Именно в них впервые была отчетливо выражена та идея естественного права, которая впоследствии составила основу просветительских учений и установок самого революционного действия. Однако «то же самое пламя, – справедливо замечал исследователь, – которое в XVIII в. зажгло всю Европу, было легко потушено в XV веке» [7. С. 30]. Токвиль находил объяснение этому различию в том, что во французском обществе эпохи Старого порядка, в отличие от ситуации XV в., в рамках старых общественных отношений сформировались достаточно развитые элементы новой системы. Они и явились необходимой предпосылкой к возникновению и осуществлению социально-политических программ, составивших цель Великой французской революции. Выражая эту мысль, исследователь писал: «Для того, чтобы подобные аргументы могли приводить к действительным переворотам, необходимо, чтобы известные перемены, уже наступившие в условиях жизни, обычаях и нравах, приготовили человеческий ум к их восприятию» [7. С. 30]. Эта идея явилась плодотворным элементом новаторства Токвиля в изучении французской истории переходного периода

от Средневековья к Новому времени. Оценивая степень разрушения старой системы и развитости элементов нового в обществе Старого порядка, ученый утверждал, что ко времени начала революции феодализм «был наполовину разрушен» [7. С. 32].

В исторической концепции Токвиля революция определена как явление не только закономерное, но и причинное: «никогда не бывало событий более крупных, так долго созревавших, лучше подготовленных» [7. С. 18]. Он решительно отвергал распространенную в историографии того времени теорию заговора как объяснительную парадигму происхождения революции. Обмениваясь с одним из своих

корреспондентов мнениями по поводу книги аббата Баррюэля, развивавшего идею заговора как причины Великой французской революции, Токвиль называл эту идею чрезвычайно ошибочной; «тайные общества, о которых идет речь, являлись симптомами болезни, но не самой болезнью, ее следствиями, но не ее причинами» [8. С. 187].

В целом можно утверждать, что при всем неприятии революции как формы преобразования общественных отношений Токвиль видел в ней явление закономерное, результат развития тех процессов и противоречий, которые определяли состояние предшествовавшей ей общественной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лефор К.* Политические очерки (XIX–XX века). М., 2000.
2. *Дементьев И.О.* Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004.
3. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 2000.
4. *Tocqueville A. de.* Oeuvres complètes. P., 1876. Т. 8.
5. *Бендрикова Л.А.* Французская историография революции 1848–1849 годов во Франции. М., 1969.
6. *Токвиль А.* Воспоминания. М., 1893.
7. *Токвиль А.* Старый порядок и революция. М., 1896.
8. *Tocqueville A. de.* Oeuvres complètes. P., 1866. Т. 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 мая 2009 г.